

П.Е. Карташова

Тверской государственной университет, г. Тверь

P.E. Kartashova

Tver State University, Tver

К ВОПРОСУ О ДИАХРОНИИ ЯЗЫКОВОЙ СИСТЕМЫ (НА ПРИМЕРЕ ТЕОРИИ ДИАХРОНИЧЕСКИХ КОНСТАНТ Ш. ЗОНДЕРЭГГЕРА)

TOWARDS THE DIACHRONY OF LANGUAGE SYSTEM (BASED ON THE THEORY OF DIACHRONIC CONSTANTS OF S. SONDEREGGER)

Ключевые слова: диахрония, диахроническая лингвистика, диахроническая константа, инконстантные признаки, вариантная флексия прилагательного.

Keywords: diachrony, diachronic linguistics, diachronic constant, inconstant features, variant flexion of adjective.

В данной статье раскрывается сущность диахронического подхода при изучении языковых явлений. Диахроническая лингвистика устанавливает причины языковых изменений, время их возникновения и завершения, пути развития явлений и процессов. Ш. Зондерэггер предлагает новый способ изложения истории немецкого языка в систематизированной перспективе. Именно рассмотрение истории языка как постоянного диалектического единства сохранения и обновления фактов языковой системы подводит нас к вопросу о диахронических константах развития языка и об инконстантных признаках в истории немецкой языковой системы.

In the article the identity of diachronic approach in researching of language phenomena is revealed. Diachronic linguistics determinates the causes of language variations, the time of their beginning and finishing, the development paths of these processes. S. Sonderegger offers the new analyses method of German language history in systematized prospect. The study of language history as a constant dialectical unity of «the old» and «the new» language facts sneaks up on a question of the diachronic constants in the language evolution and of the inconstant features in the history of German language system.

«В каждый данный момент речевая деятельность предполагает и установившуюся систему, и эволюцию; в любую минуту язык есть и живая деятельность, и продукт прошлого» (Соссюр, 2007: 34). В этом тезисе Ф. де Соссюра заключается основная идея его концепции, в которой проблема синхронии / диахронии обрела наибольшую значимость. В конце XIX – начале XX вв. такими крупнейшими учеными, как Ф.Ф. Фортунатов, И. А. Бодуэн де Куртенэ, Ф. де Соссюр и др. были выдвинуты новые теоретические основы научного описания языка в определенную эпоху. Ф. Ф. Фортунатов разработал принципы описательной грамматики, И.А. Бодуэн де Куртенэ разделил лингвистику на статическую (описательную) и динамическую (историческую), различая в фонетике и грамматике явления сосуществования

(*Nebeneinander* – «рядом друг с другом») и следования (*Nacheinander* – «друг за другом») (Патюкова, 2010: 163).

Понятия же синхронии и диахронии (от греч. «*syn*» – вместе, «*dia*» – через, сквозь и «*chronos*» – время), характеризующие, соответственно, состояние системы, ее функционирование в данный момент и историю ее развития от стадии к стадии, были впервые введены основателем структурной лингвистики Ф. де Соссюром. Синхронию он рассматривал «в качестве статического аспекта языка, исключающего всякое вмешательство времени, а диахронию как эволюцию языка во времени» (Философия, 2004: 322). Попытку объединить в рамках одной дисциплины эти два понятия Соссюр считал абсолютно нереализуемой. В дальнейшем такие видные структуралисты, как Р. Якобсон, К. Леви-Строс, Н. Хомский и др. подвергли сомнению соссюрскую дихотомию статического и исторического подходов.

По их мнению, структура выступает инвариантным элементом при всех изменениях системы, в то время как синхрония представляет собой не структуру процесса, а некоторое фиксированное в какой-то момент состояние системы. С данной точки зрения диахрония характеризует собой последовательную серию таких состояний, отображающих эволюцию конкретной системы. Однако «глубокие качественные изменения системы вызываются разрушением ее инвариантного ядра, т.е. изменением самой структуры данной системы, что отнюдь не тождественно диахронии» (там же). Понятие «состояние системы» как раз и фиксирует глубинную связь синхронии и диахронии. Лучшее подтверждение тому – порождающая грамматика Н. Хомского, в которой язык рассматривается не в качестве законченных образований, а как динамический процесс порождения новых речевых актов. Несмотря на то, что «порождаемые вариации остаются в одной синхронической плоскости, в современной структурной лингвистике эта плоскость, как правило, расщепляется на статику и динамику, в связи с чем структурная лингвистика определяется как наука о диахроническом аспекте синхронии языка» (там же).

В декабре 1996 г. в рамках Петербургского лингвистического общества был организован семинар по диахронической лингвистике, отчасти продолжающий традиции Фонологического семинара, действовавшего в ЛО ИЯ АН СССР под руководством А.С. Либермана и Ю.К. Кузьменко и так же ориентированного, прежде всего, диахронически. Одной из важных предпосылок создания подобного семинара, по мнению его организаторов, является, прежде всего, «необходимость, по-новому определить место диахронического языкознания в общей системе лингвистических субдисциплин» (Diachronic Linguistics).

Действительно, после «соссюрианской» революции диахрония в известном смысле была оттеснена на периферию интересов лингвистов (по крайней мере, занимающихся общим языкознанием). Положение изменилось в последние десятилетия. Развитие того, что принято называть антропоцентрическим подходом в языкознании, новые направления в

лингвистике (например, теория грамматикализации) постепенно привели к ясному пониманию того, что процессы, действующие при языковых изменениях, имеют ту же природу, базируются на тех же когнитивных основаниях, что и процессы, определяющие функционирование языка. Тем самым как бы «стирается резкая грань между диахронией и синхронией, и лингвистика – разумеется, на новом уровне – возвращается к идеям великих лингвистов XIX века» (там же) (ср. в этой связи учение младограмматиков об аналогии, одинаково действующей и в истории языка и в речевой деятельности индивида). Показательным в этом плане является предположение Э. Косериу о том, что «антиномию ‘синхрония – диахрония’ следует отнести не к плоскости объекта, а к плоскости исследования, т.е. она относится не к речевой деятельности, а к лингвистике» (Косериу, 2010: 52). Однако и собственно «в лингвистике четкая граница между синхронией и диахронией стирается; это показывают, к примеру, современные типологические исследования, ориентированные в известном смысле на изучение именно изменения языкового строя» (Diachronic Linguistics).

Язык находится в постоянном движении, изменении; в каждый данный период жизни языка в его системе, на всех уровнях этой системы (в фонетике, грамматике, лексике) есть элементы отмирающие, утрачивающиеся и элементы нарождающиеся, возникающие. Изучая все эти явления и процессы во времени, диахроническая лингвистика устанавливает причины языковых изменений, время их возникновения и завершения, пути развития данных явлений и процессов. Диахронический взгляд на язык позволяет понять, как сложились те явления, которые характеризуют его современное состояние.

Любое развитие языка является процессом неравномерным и зачастую не совсем последовательным: «*Jede sprachgeschichtliche Entwicklung vollzieht sich in einem bestimmten gleichgewichtigen oder ungleichgewichtigen Verhältnis zwischen Erhaltung bereits bestehender Kategorien und Ausbildung von Neuerungen oder Umstrukturierungen im Sprachsystem*» (Sonderegger, 1979: 207). Во всех сферах языковой системы проявляются как процессы сохранения, так и обновления элементов. Развитие языка – это сложный многоуровневый процесс, представляющий собой как взаимодействие и наложение друг на друга явлений сохранения и преемственной передачи определенных языковых фактов, так и возникновение новых явлений, отмирание или реструктуризацию старых.

Вышеприведенное положение теории диахронических констант Штефана Зондерэггера является очередным подтверждением объективной необходимости диахронического рассмотрения языковых явлений. Автор предлагает новый способ изложения истории немецкого языка в систематизированной перспективе: его учение – это подробный анализ диахронического развертывания немецкой языковой системы, в котором раскрывается общее развитие немецкого языка. Он рассматривает онтогенез немецкого языка от сферы «старого» (*Erhaltungsbereich*) к сфере «нового» (*Neuerungsbereich*), утверждая при этом, что каждая из данных сфер в

различных языковых подсистемах имеют перевес. По его мнению, опрометчиво подвергать историческому рассмотрению только одну из них в рамках определенного периода, подчеркивая только изменения языковой системы («новое») при переходе от одного уровня к другому, как это в основном происходит в большинстве публикаций по истории немецкого языка, или только консервативные черты языковой системы («старое»). Следует обратить внимание и на то, что эти явления по временным рамкам могут простираются далее чем на один языковой период, и даже на всю историю немецкого языка. В связи с этим структурный обзор развития языка предполагает первоначальное определение критериев, в качестве которых выделяются следующие:

- 1) реализация языка в обществе и государстве;
- 2) причинно-следственные связи между политической историей, общей культурной историей и историей языка;
- 3) дифференциация и интеграция;
- 4) сохранение и обновление системы языка;
- 5) временные аспекты языковых инноваций (Sonderegger, 1979: 193-213).

В процессе развития языковой системы Ш. Зондерэггер выделяет «константные тенденции развития» (*konstante Entwicklungstendenzen*) и «инконстантные признаки» (*inkonstante Merkmale*). Под первыми автор понимает «не те тенденции изменения в диахронии немецкого языка, которые существуют на протяжении определенного временного отрезка, а те, которые пронизывают всю историю немецкого языка, от одной языковой ступени к другой, в качестве духовно-исторического, однонаправленного или непрерывно действующего проявления» (Sonderegger, 1979: 218) (здесь и далее перевод наш – П.К.). Под инконстантными признаками подразумеваются те признаки, которые «ограничиваются только определенной языковой ступенью или ее частью, или, действуют в пределах следующих друг за другом периодов, и прекращают свое существование вследствие некоторых обстоятельств или под действием других особенностей развития» (там же). К первым автор относит: умлаут, редукцию неударных слогов, уменьшение количества сильных глаголов, реструктуризацию порядка слов, логическое соединение главного и придаточного предложения и др. В инконстантные признаки включаются: система немецкого ударения, развитие вокализма в корневом слого и развитие немецкого консонантизма, соотношение между сильным и слабым склонением существительных и прилагательных и др. Процессы развития языка не проявляются в конкретных языковых фактах и не могут восприниматься как последовательная реализация определенной регулируемой системы общего развития языка. В большинстве случаев они единичны, случайны и разобщены. «Из случайности и хаотичности языкового изменения вытекает случайность состояния языка» (*Lexikon der germanistischen Linguistik*, 1980: 559). Исходя из теории диахронических констант, вся история языка рассматривается под совершенно иным углом

зрения: это постоянное диалектическое единство сохранения и обновления фактов языковой системы.

Рассмотрим функционирование конкретного языкового явления – склонения имени прилагательного – в рамках теории диахронических констант. Склонение имени прилагательного фигурирует как в сфере «старого», так и в сфере «нового», что еще раз подтверждает саму концепцию данной теории. При категориальном членении в системе форм к сфере «старого» Ш. Зондерэггер относит основополагающее разделение прилагательных, наряду с существительными и притяжательными местоимениями, на сильное и слабое склонение. К сфере «нового» относится существование либо сильно, либо слабо склоняемой парадигмы (часто в средневерхненемецком) и возникновение между сильным и слабым типами склонения дополнительной флексии (в основном в нововверхненемецком).

Реализацию синтаксических связей различных форм прилагательного в немецком языке автор считает константной тенденцией развития синтаксической структуры языка к формированию новой оппозиции при установлении формы по определенной функции. Два принципа склонения прилагательных исторически соприкасаются, а именно, категории «сильное» (изначально «вокальное», по принципу сильного склонения существительных, а в германском также и местоимений) и «слабое» (изначально «консонантное», по принципу слабого склонения существительных), а также категории «флективное» и «нефлективное». В краткой форме могут выступать только сильно склоняемые прилагательные в некоторых определенных падежах, а именно:

ahd. Nom. Sg. m. f. n. *blint* (флективные сильные формы *blintēr*, *blintiu*, *blintaʒ*)

Akk. Sg. m. f. n. *blint* (флективные сильные формы *blintan*, *blinta*, *blintaʒ*)

Nom. Pl. m. f. n. *blint* (флективные сильные формы *blinte*, *blinto*, *blintiu*)

mhd. (формальное ограниченное употребление)

Nom. Sg. m. f. n. *blint* (флективные сильные формы *blinder*, *blindiu*, *blindeʒ*)

Akk. Sg. n. *blint* (флективные сильные формы *blinden*, *blinde*, *blindeʒ*)

nhd. (утвердившееся употребление)

blind (флективные формы Nom. Sg. m. f. n. *blinder*, *blinde*, *blindes*)

(Sonderegger 1979: 276)

Соответственно по слабому типу прилагательное склоняется только во флективной форме:

ahd. Nom. Sg. m. f. n. *blinto*, *blinta*, *blinta*

mhd. Nom. Sg. m. f. n. *blinde*, *blinde*, *blinde*

nhd. Nom. Sg. m. f. n. (*der*) *blinde* (*Mann*), (*die*) *blinde* (*Frau*), (*das*) *blinde* (*Kind*)

(там же)

Существенным также является систематизированное Ш. Зондерэггером распределение вышеупомянутых категорий прилагательного «сильное», «слабое», «флективное», «нефлективное» в зависимости от его синтаксической функции. Автор утверждает, что изначально обе флексии – сильная (флективная и нефлективная) и слабая (только флективная) – сопровождают прилагательное с различной степенью частотности в обеих синтаксических функциях: в атрибутивной функции (в качестве определения к существительному) и в предикативной функции (в составе сказуемого). При этом от одной языковой ступени к другой прослеживается все возрастающая тенденция к распределению нефлективной сильной формы прилагательного для предикативного употребления, а флективных – сильной и слабой форм – для атрибутивного употребления (Sonderegger, 1979: 277).

Эволюция вариантности флексии прилагательного в атрибутивной функции, исследованная нами в материале немецкой художественной литературе в период с XVIII по XX вв., наглядно иллюстрирует положение теории диахронических констант Ш. Зондерэггера о том, что история развития языка является совокупностью фактов сохранения и обновления языковых феноменов. В рамках данной теории непосредственный объект исследования – склонение имени прилагательного – является диахронической константой. Наличие вариантности флексии прилагательного после рассматриваемых определительных слов относится к инконстантным признакам языка, так как вариантность форм прилагательного после одно и того же определительного слова (например, *all-, solch-, welch / irgendwelch-, manch-*) может на различных этапах развития языка или достигать своего абсолютного значения (одинакового по частотности употребления сильной и слабой форм), или полностью сходить на нет.

Ярким примером данного языкового феномена является согласующая атрибутивная группа с детерминативом *all-*. Полифлективная структура данного сочетания, характерная для древне- и средневерхненемецкого периодов, в ранненововерхненемецком начинает колебаться в связи с все более интенсивным проникновением принципа монофлексии. В результате этого вариантность флексии постпозитивного прилагательного распределяется в дальнейшие периоды следующим образом:

(выделение подчеркиванием и жирным шрифтом наше – П.К.)

XVI-XVII вв. – 9% слабой флексии:

aller rechtschaffenen Musquetierer (Невская, 1968: 63) – слабая флексия;

alle gottseelige Regungen (там же) – сильная флексия.

XVIII в. – 43% слабой флексии:

alle frühen Blüten (Schiller, Don Carlos) – слабая флексия;

alle verdiente Männer (Lessing, Minna von Barnhelm) – сильная флексия.

XIX в. – 88% слабой флексии:

alle bösen Geister (May, Winnetou IV) – слабая флексия;

alle kräftige Menschen (Heine, Ideen) – сильная флексия.

XX в. – 100% слабой флексии:

alle großen Geistesaten (Süskind, Das Parfum).

Таким образом, данное исследование подтверждает, что всякое языковое явление на определенном синхроническом срезе следует рассматривать и в его диахронии. С целью изучения и достижения «полного понимания языка необходимо заниматься не только его анатомией и философией, его формой и функциями, но также обратиться к его онтогенезу и истории» (Bloomfield, Newmark 1965: 5).

Литература

1. Косериу Э. Синхрония, диахрония и история: Проблема языкового изменения. – М.: Едиториал УРСС, 2010. – 208с.
2. Невская Л. А. К оформлению определительного прилагательного в современном немецком языке: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. – Ярославль: ЯГПИ им. К. Д. Ушинского, 1968. – 290 с.
3. Патюкова Р. В. Возможности исследования языка в системе временного континуума: синхронический и диахронический аспекты // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2010, № 1. – С. 163 - 166.
4. Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики. – М.: УРСС Эдиториал, 2007. – 257 с.
5. Философия: Энциклопедический словарь. – М.: Гардарики, 2004. – 1072 с.
6. Bloomfield M. W. A. Linguistic Introduction to the History of English / M. W. Bloomfield, L. A. Newmark. – New-York: Knopf, 1967. – 698 p.
7. Diachronic Linguistics [Электронный ресурс]. – Электрон. дан. – 2011. - Режим доступа: <http://www.linguisticsociety.spb.ru/sem/kazr.htm>. – Загл. с экрана. – Яз. рус., 11.07.2011.
8. Lexikon der germanistischen Linguistik / hrsg. von H. P. Althaus, H. Henne, H. E. Wiegant. – Tübingen: Niemeyer Verlag, 1980. – 870 S.
9. Sonderegger S. Grundzüge deutscher Sprachgeschichte. – Berlin: de Gruyter, 1979. – 353 S.

References

1. Coseriu E. Synchrony , diachrony and history: The problem of linguistic change . - Moscow: Editorial URSS , 2010 . - 208.
- 2 . Neva L. By the design of attributive adjective in modern German : dis . ... Cand. Philology . Sciences: 10.02.04 . - Yaroslavl : YAGPI them . KDUshinskogo , 1968 . - 290 .
- 3 . Patyukova R.V. features the study of language in the system time continuum : a synchronic and diachronic aspects / / Philology . Theory and practice . - Tambov : Diploma , 2010, № 1 . - 163 - 166.
- 4 . Ferdinand de Saussure . Course in General Linguistics . - Moscow: URSS Editorial , 2007 . - 257 .

- 5 . Philosophy: Collegiate Dictionary . - M. : Gardariki 2004 . - 1072 .
6. Bloomfield M. W. A. Linguistic Introduction to the History of English / M. W. Bloomfield, L. A. Newmark. - New-York: Knopf, 1967 . - 698 p.
7. Diachronic Linguistics [electronic resource]. - Electron . dan. - 2011 . - Mode of access : <http://www.linguisticsociety.spb.ru/sem/kazr.htm>. - Caps . from the screen. - Jaz . Rus. , 11.07.2011 .
8. Lexikon der germanistischen Linguistik / hrsg. von H. P. Althaus, H. Henne, H. E. Wiegant. - Tübingen: Niemeyer Verlag, 1980 . - 870 .
9. Sonderegger S. Grundzüge deutscher Sprachgeschichte. - Berlin: de Gruyter, 1979 . - 353 p.

(0,4 п.л.)